

Труд - 1994 - 4 янв. с. 7.

Новая литературная рубрика «Труд» посвящена личным отношениям прославленных мастеров слова с теми, кто вдохновил их на создание романов, рассказов, пьес, стихов, поэм... Перед читателем предстанет ряд знаменитых писателей, как отечественных, так и зарубежных, в самые драматические моменты их жизни. Мы узнаем о тех, кого эти гениальные люди любили и кого запечатали в своих бессмертных творениях.

Ведет рубрику писатель Руслан Киреев, знакомый читателю по печатавшимся в «Труде» «Урокам чтения». Цикл его новых очерков, публикация которых начинается сегодня, в необычном ракурсе раскрывает психологию творчества, будучи одновременно своего рода энциклопедией человеческих страстей.

ЕЩЕ НЕ закончилась новогодняя ночь (зимой в Петербурге светает поздно), а по заснеженному Невскому проспекту деловито шагал человек с корзиной роз. Это был послышный цветочного магазина. Возле одного из домов он остановился, сверился по бумажке, тот ли номер, и дернул колокольчик.

Розы предназначались актрисе, участвовавшей днем раньше в театральной премьере. Среди холодных от мороза лепестков белел сложенный вчетверо лист бумаги. Молодая женщина острожно вытасила его, развернула, и лицо ее вспыхнуло, будто розы бросили на бледную кожу пунцовый отсвет...

Таким рисует воображение первый день 1907 года, когда читаешь воспоминания о Блоке, его перелиску того времени и главное — стихи.

Именно первым января датируется стихотворение, пропущенное в розах сквозь новогодний Петербург. Названия нет, зато есть три загадочные буквы: Н. Н. В.

Я в долгий мир
вошла как в ложу,
Театр взволнованный погас.

Ложа, театр — все это не плод авторской фантазии, а реальность, запечатленная Блоком не только в стихах, в знаменитом цикле «Снежная маска», также посвященном Н. Н. В., но и в драматической поэме «Песня Судьбы», так, увы, и не увидевшей света рампы. Хотя ставить ее собиравшись и Мейерхольд, и Станиславский...

В поэме несколько действующих лиц, но главных три: Герман, в котором легко просматривается сам Блок, его спутница жизни Елена (Любовь Дмитриевна, жена поэта, разумеется, узнала себя) и «каскадная певица» Фаина, которую, мечтал автор, должна была играть сама Н. Н. В., в персонаже этом запечатленная.

Запечатлела ее в своих воспоминаниях и первый биограф Блока, его родная тетушка М. А. Бекетова.

«Высокий тонкий стан, бледное лицо, тонкие черты, черные волосы и глаза, именно «крылатые», черные, широко открытые «маки злых очей». И еще поразительная была улыбка, сверкавшая белизной зубов, какая-то торжествующая, победоносная улыбка».

В многогранной хронике Бекетовой — а после нее остались не только воспоминания, не только подробнейшая биография поэта, но и дневники — крылатоглазая женщина фигурирует, как правило, под инициалами. «Н. Н. и кокетство не нужно. Она и не кокетничает, это ей бы не шло. Она ведет себя совершенно так, как ей нужно и с полным спокойствием и серьезностью, без суровости и без резкости. Поэт нашел свою «Незнакомочку».

А началось все с «Балаганчика», первой лирической драмы Блока. Ставил ее Мейерхольд. Автор часто бывал за кулисами — слишком часто, даже для начинающего драматурга, тем не менее Н. Н. В. и в голову не приходило, что поэта влечет сюда не только рождающееся сценическое действо. Но «как-то раз, — припомнила она впоследствии, — провожая Александра Александровича с лестницы, ведущей в вестибюль, я услышала от него несколько очень лестных слов, в частности, относительно моего голоса, его музыкальности и благородства дикции: — «Когда вы говорите, словно речка журчит».

Таким запомнился этот беглый разговор взволнованной Н. Н. В., а вот как описывает ту же сцену ее нечаянная свидетельница актриса В. Веригина: «Вдруг Александр Александрович обернулся, сделал несколько нерешительных шагов к ней, потом опять отпрянул и, наконец, подынявшись на первые ступени лестницы, сказал смущенно и торжественно, что теперь, сию минуту, он понял, что означало его предчувствие, его смятение последних месяцев. «Я только что увидел это в ваших глазах, только сейчас осознал, что именно они и ничто другое заставляют меня приходить в театр».

Но они были не одни: рядом стояла остроглазая Валентина Веригина, будущая мемуаристка... А ему так хотелось побыть наедине с ней! И тогда-то он послал записку — черновик ее сохранился до наших дней.

«Сегодня я предан Вам. Прошу Вас... подойти ко мне. Мне необходимо сказать несколько слов Вам одной».

Написано это за день до знаменитой премьеры «Балаганчика», после которой последовали

не менее знаменитый «бумажный бал» и — сутки спустя — те самые холодные от новогоднего морозца розы.

Но почему бумажный бал? А потому, что каждая участница должна была накинуть поверх платья шутовской наряд из цветной бумаги. Мужчинам вручались в прихожей полумаски.

Блок в этот вечер (вернее, в эту ночь) был галантен, как никогда, и, как никогда, приветлив. «Вы любезней, чем я знала, господин поэт!» — молвила с веселым изумлением Н. Н. В.

Обычная фраза, но Блок исхитрился, не изменив ни слова, вставить ее в стихи. Равно, как и свой ответ: «Вы не знаете порусски, госпожа моя», — да еще описать ее внешний вид, начиная с карнавальной масочки и кончая золотыми, в виде змеек, пряжками на туфлях...

С этого момента они всюду появлялись вместе — никого не боясь, ни от кого не скрываясь. «Часто после спектакля, — вспоминала Н. Н. В., — мы совершали большие прогулки, во время которых Александр Александрович знакомил меня со «своим городом», как он его называл».

Вышедшая в апреле 1907 года первым изданием «Снежная маска» открывалась строками, которые впоследствии автор снял. «Посвящая эти стихи Тебе, высокая женщина в черном, с глазами крылатыми и влюбленными в огни и мглу моего снежного города».

Осенью того же года семейный летописец М. Бекетова записывает в дневнике: «Насколько могу понять, он безумствует, а она не любит или холодна и недоступна, хотя и видятся они беспрестанно. Вида страдательного он не имеет».

Добрая тетушка! Для нее главное — не страдал бы любимец ее Саша, что же касается его законной супруги Любови Дмитриевны, то, выносит вердикт строгая наблюдательница, «где уж ей тягаться с Н. Н. Люба прелестна, но кокетство ее неприятно и резко».

На этом сравнительный анализ не заканчивается. «Н. Н. гораздо интеллигентнее ее и тоньше, и литературнее, а говорит-то она свое, а не чужое, как Люба. Ведь Люба-то выучила все эти слова, совершенно ей несвойственные».

Тут тетушка попала в точку. Незадолго перед смертью Любови Дмитриевны, окидывая мысленным взором жизненный путь, прямо и не без раскаянья признавалась, что «смирлила и умалила свою мысль перед миром идей Блока, перед его методами и его подходом к жизни... Я верила в Блока и не верила в себя, потеряла себя. Это было малодушием, — теперь я вижу».

Н. Н., судя по всему, себя

не «смирлила», что явствует не только из блоковских стихов, но прежде всего из «Песни Судьбы», вещи, безусловно, автобиографической, что подтверждает даже место действия.

«На холме — белый дом Германа, окруженный молодым садом, сияет под весенним закатом, охватившим все небо. Большое окно в комнате Елены открыто в сад, под капель. Дорожка спускается от калитки и вьется под холмом...»

Да ведь это Шахматово — блоковское Шахматово! И дом на холме, и дорожка, и сад... Вот разве что реальный сад разбит был не вокруг дома, а вокруг флигеля, но это уже не существенно. Как не существенно и то, что хозяйина зовут не Александром, а Германом. Главное, авторитетно свидетельствует Бекетова, «жизнь «в белом доме» в общих чертах есть точный снимок шахматовской жизни».

За исключением, добавим мы, «Фаины» — «Фаина», то бишь таинственная Н. Н. В., в реальную шахматовскую жизнь не ворвалась, петербургской доволествовалась. «Сжигающая весна 1908 года» (определение Любови Дмитриевны, которое можно отнести и к весне 1907-го) не опалила родового блоковского поместья.

А вот в «Песне Судьбы» пожар этот полыхает вовсю, особенно в заключительной, седьмой картине.

Время действия седьмой картины — не весна, как вначале, — зима. «Пустая равнина, занесенная снегом, — сказано в ремарке. — Ветер свистит и грозит метелью».

Это, конечно, прямое продолжение «Снежной маски». Ее углубление и — одновременно — перевод с отвлеченного поэтического языка на жесткий язык прозы.

«Что мне делать, я не знаю: ты больше меня, — признается Фаине Герман. — Только у ног твоих вздыхать о славе. Ты смотришь на меня незнакомым, гордым взором; а я ничтожный, я чужой, я слабый, — и ничего не могу».

Как реагировала на подобные изъяснения крылатоглазая Н. Н. В.? Писем ее мы не знаем — Блок сжег их перед смертью, — но мы знаем реакцию Фаины.

«Все — слова! — усмеяется Фаина. — Красивые слова». Герман бормочет что-то в свое оправдание (бормочет «в бреду», — такова авторская ремарка), но Фаина не слышит. С уст ее срывается «в тоске» (это «в тоске» — тоже ремарка): «Желанный, целый меня. Он зовет! Старый зовет! Властный кличет!.. Мой старый, мой властный, мой печальный пришел за мной».

О ком речь? Кто зовет, столь властный, что «гордая, краси-

вая и свободная» (так записывает Блок в вагоне поезда, который увозит его от Н. Н. В.), — кто зовет, что нельзя не подчиниться?

Ответа нет в пьесе, но он есть — и весьма исчерпывающий — в воспоминаниях Веригиной. Ближайшая подруга Н. Н. В. утверждает, что со стороны Н. Н. В. «настоящей любви было никогда». То есть любовь была, настоящая любовь, но не к Блоку, а к другому человеку, с которым Н. Н. В. «только что рассталась» и которого изо всех сил старалась забыть.

Не вышло: «Он зовет! Старый зовет! Властный кличет!» «Она жалела, — пишет Веригина, — что не может влюбиться в Блока. «Зачем вы не такой, кого бы я могла полюбить! — вырвалось у нее однажды».

Последний раз Блок видел Н. Н. В. в мае 1920 года, в музыкальной студии Художественного театра, куда пришел с женой профессора П. С. Когана, в доме которого остановился. Его спутница подробно описала по этому предпоследнюю поездку Блока в Москву, но о встрече в театре не обмолвилась ни словом. Есть лишь кое-что в воспоминаниях самой Н. Н. В., да еще у Веригиной. По ее словам, герои «Снежной маски», неожиданно столкнувшись в фойе, условились встретиться в антракте и поговорить, но когда зажегся свет, Блока в зале не было.

Женщины восхищались им, боготворили, преклонялись, но до конца пойти за ним не могли. В свое время об этом с беспощадной откровенностью сказала, вернее, написала Любовь Дмитриевна Менделеева, будущая жена поэта. Написала в письме, которого Блок так и не получил: не решилась отдать, однако в архиве своем сохранила. «Вы от жизни, — говорит в нем Любовь Дмитриевна, — тянули меня на какие-то высоты, где мне холодно, страшно и... скучно».

А ему? Ему, может, еще холодней и еще страшней — одному-то!

«Земля в снегу», — так называется одна из его книг. До наших дней дошел экземпляр с автографом автора. «Позвольте, — писал Блок, — поднести Вам эту книгу — очень несовершенную, тяжелую и сомнительную для меня. Но что в ней правда и что ложь, покажет только будущее. Я знаю только, что она не случайна, и то, что в ней не случайно, люблю».

Книга подарена Н. Н. В., только здесь автор не ограничился инициалами, а вывел полностью: Наталии Николаевны Волоховой...

Она пережила его почти на полвека, чуть-чуть не дотянув до девяноста.

Руслан КИРЕЕВ.